

Рисунок

Егор Галашов очнулся от запоя в будний день. Пошатываясь, прошел на кухню, принял крану с холодной водой, и только когда почувствовал, как сухие складки во рту и горле размякли, перевел дух. Было около двенадцати. Жена вот-вот будет на обед. Чтоб не встречаться с ней, Егор решил пойти в «аквариум», кафе в парке культуры, может, разбогател кто из дружков и ему перепадет малость.

Пил Егор по-черному третий год. Почему пьет, не задумывался. Считал – для удовольствия. Жена, работавшая когда-то в магазине, винила в этом себя: часто баловала мужа рюмочкой за ужином, заметив, что ласки его от этого становятся более длительными. Потом спохватилась, да было поздно. Ни уговоры, ни угрозы не действовали на Егора. Если жена налегала слишком насчет ЛТП, то он ее обрывал:

– А ты знаешь, что я умереть могу! Они в кишки гадость какую-то зашивают – выпьешь? и привет семье!.. Ты же думаешь, я не выпью, выдержу? И будете с Генкой мучиться... Заработать вам такие деньги, как я приношу, а?

Жена умолкала – была в его словах правда. Из магазина она уже год как ушла и работала няней в детском саду, что был рядом с домом.

Егор прошел в комнату, где за столом, склонившись над альбомом, сидел двенадцатилетний сын. У сына с пятилетнего возраста открылись способности к рисованию, и он ходил не то в художественную школу, не то в какую-то студию. А раз на городской выставке даже занял первое место, чем Егор любил в компании прихвастнуть. Приходил даже художник, говорил, что у Генки талант.

Увидев отца, Генка испуганно захлопнул альбом и положил на него раскрытую книгу. «Чего это испугался?» – удивился Егор.

– Покажи-ка, че намалевал, – потребовал он добродушно.

– Ничего, задание... – пробормотал сын.

– Показывай, показывай! – отобрал Егор альбом. Просмотрев разные наброски, долистал до последнего листочка и невольно замер. Это был карандашный рисунок заросшего щетиной спящего мужчины, который показался Егору знакомым.

– Кто это? – спросил он сына, но тот, потупясь, молчал, лишь слегка отодвинулся от него.

– Кто, я спрашиваю! – повысил голос Егор.

– Ты... пьяный когда...

– Врешь!.. – задохнулся Егор и хлопнул ладонью сына по затылку. – Отца карикатурить!

– Че дерешься-то? – захныкал сын. – Не похож, что ли?.. Посмотришь в зеркало...

Егор вырвал из альбома лист и ушел в спальню. Всмотрелся в рисунок. «Вот, зараза, правда, вроде я». Подошел к зеркалу. Да, теперь сомнений не было, на рисунке был он во всей красе: щетина, глубокие волнистые морщины, припухлости под глазами, обвислые волосы... «Будто не сорок, а за пятьдесят... Ишь, настропилился», – восхитился было Егор. Но чем больше он смотрел на портрет, тем больше становилось ему не по себе. Охватывало какое-то беспокойство, что-то раздражало в рисунке, казалось ему оскорбительным. А что именно, Егор не мог понять. Если рассматривать по отдельности нос, глаза, губы – ничего обидного, а если глянуть на все вместе – почему-то смотреть тошно. И оттого, что было непонятно, Егор разозлился. «Учишь его, учишь...» – подумал он и крикнул:

– Генка, сбегай за молоком! Сидишь, ерундой занимаешься!

– Давно уже сбегал! – обиженно ответил сын.

– За квасом тогда сбегай! Сколько раз говорил, чтоб в такую жару в доме квас был! Только за своими бумажками!..

Сын ушел. Егор еще раз посмотрел на рисунок, помял пальцами колючий подбородок, сплюнул и стал бриться. Содрав безопаской щетину, он удовлетворенно хмыкнул, глядя в зеркало:

– Вот те и портрет!..

Он уже был не так похож на того, с рисунка, но осталось главное, что раздражало и теперь даже начинало пугать.

Егор свернул лист и сунул в карман брюк.

На улице перед парком дорогу ему преградила похоронная процессия. Когда гроб поравнялся с ним, Егор увидел покойного и отвернулся. Покойников он не любил.

Прячась от жары, Егор сел на скамейке в тени вязов и в блаженстве вытянул ноги. Траурная мелодия становилась все тише и тише. «Вчера или позавчера помер, наверно...» – вяло подумал он и вдруг в голове у него будто стрельнуло. – «Точно! Мертвяк!..» Он выхватил из кармана листок и понял, что нашел то, что его раздражало. Лицо на рисунке было безжизненно, как у покойника.

И потому, что тайна рисунка была разгадана, Егор как-то сразу потерял к нему интерес. Он изорвал в клочки лист и с облегченной душой направился к летнему кафе.

Ночью Егору приснилось, что он умер и его, заросшего щетиной, точь-в-точь, как на рисунке, долго несут к кладбищу под горячим солнцем, жар от которого он чувствовал почему-то все сильнее и сильнее. Захотелось пить. Он попытался подняться из гроба, но в грудь ему что-то больно уперлось, и он услышал голос жены:

– Не жмись! Сколь говорила, пьяный не лезь.

Егор матюгнулся в душе и, отхлынув от горячей могучей спины супруги, доспал до утра без кошмаров.

Следующие два дня Егор работал по полторы смены, замаливая прогулы. Был конец месяца, и мастер Лукин, запаренный, то и дело подбегал к его токарному и умоляюще спрашивал:

– Успеешь?

– Успею, успею, – отвечал Егор, усмехаясь.

Егор и правда успевал с деталями и потому сегодня решил уйти домой вовремя. Переодевшись, он закрыл свой металлический шкаф на замок и полез в карман пиджака за «Беломором». Вместе с пачкой вытащил вчетверо сложенный лист плотной бумаги. Развернул и похолодел: это был тот самый рисунок, который он выбросил в парке. «Мертвяк... Мертвяк... – замельтешили лихорадочные мысли. – Я ведь точно помню... Не пьяный был... порвал и в урну кинул. Точно...»

– От здорово! Хорош! Егор, это ты что ль! Кто это тебя так разрисовал? – заглянул через плечо токарь Валька Корнев. Егор ничего не ответил и, осененный вдруг догадкой, заторопился к проходным.

Влетев домой, ринулся к столу сына, нашел альбом, открыл и облегченно вздохнул. Когда он вырывал рисунок, в альбоме оставался еще один чистый лист, это ему запало, а сейчас его не было.

– Я уж думал, у меня чердак треснул! – хохотнул Егор и покачал головой.

Когда с этюдником на плече пришел сын, Егор схватил его за ухо.

– Ты когда отца карикатурить бросишь, а?..

Сын, к его удивлению, не стал вырываться. Егор невольно разжал пальцы, столько было в глазах сына ненависти.

– Будешь пить, на каждом подъезде повешу! – сказал Генка таким голосом, что Егор понял – повесит. И впервые увидел, как вырос его сын.

– Ну, ты... Того... я отец все же... – растерянно пробормотал он и, помолчав, примиряюще спросил:

– Что вы там сегодня рисовали, дай поглядеть? Карандашом или красками?..

Сын недоверчиво посмотрел на Егора и, в волнении сжав ремень этюдника, выдавил:

– Этюды... акварелью.

1983